

НУТКА-ЗУНДСКИЙ КРИЗИС И РОССИЯ

М.С. Альперович

Со времени Второй Камчатской экспедиции петербургское правительство неизменно исходило из неотъемлемого права России на земли Северо-Западной Америки севернее 55°20' с.ш., докуда доплыл А.И. Чириков в 1741 г. В результате деятельности Г.И. Шелихова к середине 80-х годов XVIII в. были основаны российские поселения на широте 57–59°. Поскольку испанцы, в свою очередь, еще в конце 70-х годов продвинулись до залива Принс-Уильям, или Чугачского (61° с.ш.), они были крайне встревожены утверждениями о мнимых намерениях Екатерины II публично провозгласить суверенитет над частью Американского континента между 55-й и 60-й параллелями и даже овладеть Нутка-зундом – заливом, отделяющим островок Нутку от о-ва Ванкувер (49°35' с.ш.).

Чтобы опередить русских, в Нутку отправилась испанская экспедиция Мартинеса-Лопеса де Аро, обнаружившая там вопреки ожиданиям британские суда, которые в июле 1789 г. были захвачены испанцами. Сент-джеймский кабинет стал добиваться их возврата и компенсации за нанесенный ущерб. Парламент единодушно одобрил действия министерства Питта и ассигновал 1 млн ф.ст. на военные нужды. Английский флот начал приготовления к боевым операциям.

Между тем в Петербурге посланника мадридского двора заверили, что Россия не претендует на владения пиренейского королевства к югу от 61-й параллели. В итоге ситуация, порожденная испано-российским соперничеством в данном регионе, внезапно обернулась резким обострением отношений между Испанией и Англией.

Развитие этого конфликта, к возникновению которого Россия была непосредственно причастна, естественно, привлекло внимание ее дипломатии, пристально следившей за всеми его перипетиями.

Первые вести о плавании “кормчего королевского флота в Испании Мартинеса” и событиях, произошедших летом 1789 г. в Нутке, дошли до Петербурга к концу февраля следующего года, когда в столице одновременно были получены донесения посланника в Мадриде С.С. Зиновьева и консула в Кадисе И.Ф. Бранденбурга, содержавшие ценную информацию. Консул прислал копии и французские переводы трех важных сообщений, оказавшихся в его распоряжении. Одно из них являлось донесением Мартинеса вице-королю Новой Испании Флоресу, отправленным в середине июля 1789 г. Из него, между прочим, следовало, что, не обнаружив в Нутка-зунде присутствия российских кораблей, испанцы тем не менее не теряли надежды на их появление. “Мы ждем русских со дня на день, – докладывал Мартинес, – и надеемся с божьей милостью их одолеть”¹.

¹ И.Ф. Бранденбург – И.А. Остерману, 20(31) января 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп. 58. Д. 631. Л. 6.

Второй документ, датированный 18 июля 1789 г., не имеет подписи. Можно предположить, что и он принадлежит перу Мартинеса. В Сан-Бласе была сделана приписка о том, что Мартинес просит направить в Нутку подкрепления и боеприпасы, дабы быть в состоянии оказать сопротивление русским, если те все же появятся². Наиболее обстоятельным было анонимное сообщение, составленное в Мехико на основе доносений Мартинеса 28 августа, т.е. сразу после их доставки в столицу вице-королевства³. Перевод этого “достоверного письма из Мексики” направил вице-канцлеру И.А. Остерману также российский посланник в Мадриде, прося указаний – “изъясняться ли с графом Флоридабланко по сему делу или предать молчанию”⁴.

Мне не удалось установить, какой ответ последовал на этот запрос. Однако российские дипломатические представители в Мадриде и Лондоне внимательнейшим образом наблюдали за изменением ситуации и, по мере обострения отношений между Англией и Испанией, регулярно информировали свое правительство об усилении конфронтации двух держав. Сообщая в начале мая о королевском послании парламенту (с изложением сути спора) и военных приготовлениях, посланник С.Р. Воронцов доносил вице-канцлеру, что англичане снаряжают 13 линейных кораблей и 12 фрегатов, “дабы действовать противу Гишпании, когда она откажет дать сатисфакцию”⁵. Несколько дней спустя он отправил в Петербург реестр судов британского военно-морского флота, насчитывавшего, по его данным, 422 боевые единицы, в том числе 158 линейных кораблей (включая строящиеся), тогда как Испания располагала всего 70. Учитывая очевидное превосходство Англии на море, посланник считал маловероятным, “чтоб война воспоследовала”⁶. «Здесь желают сохранить мир, – полагал Воронцов, – лишь бы Гишпания отреклась от мнимого своего права не позволять другим народам приставать к берегам той части Америки, что не она открыла и где она своих селений не имеет, также не мешала бы китовой ловле, которая делается не по берегам, а в морях, кои никому исключительно, а всем народам вообще принадлежат... С Гишпанской же стороны нельзя думать, чтоб там желали разрыва, ибо тамошние морские силы толь слабы в сравнении здешних, что Гишпания, кроме несчастиев, ничего другого себе от сей войны ожидать не может”⁷.

Неделю спустя дипломат отправил в Петербург французский перевод “мемориала” некоего Джона Мирза об инциденте в Нутка-зунде. Он обращал внимание И.А. Остермана на то обстоятельство, что, судя по этому документу, “гишпанцы приписывают себе все берега, начиная от мыса Горна, даже до 60-го градуса к северу, включая, следовательно, те бе-

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 2–3.

⁴ С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 21 января (1 февраля) 1790 г. // Там же. Д. 463. Л. 8.

⁵ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 26 апреля (7 мая) 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 411. Л. 65.

⁶ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 30 апреля (11 мая) 1790 г. // Там же. Л. 81.

⁷ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 3(14) мая 1790 г. // Там же. Л. 97.

рега противу Камчатки, кои прежде всех народов в свете русскими были открыты, и от пресмен капитана Беринга до днесь ежегодно нашими промышленниками из Камчатки и из Охотска посещаемы”⁸.

На протяжении июня–июля 1790 г. Воронцов, анализируя обстановку на основе собственных наблюдений и известий, доходивших из Мадрида, продолжал в целом придерживаться прежней точки зрения, хотя неоднократно отмечавшийся им рост вооружений с обеих сторон, казалось бы, противоречил подобным прогнозам. “И как Гишпания не может бороться с Англиею, а сия без сущей крайности не желает вступить в войну, лишь бы честь ее была не тронута, – говорилось в одном из июньских донесений, – то и можно ожидать, что Гишпанский двор даст ей полное удовольствие и что сия начинающаяся ссора прекратится мирным постановлением”⁹. А в следующей депеше, со ссылкой на испанский источник, сообщалось, будто “изъяснения мадридского двора гораздо уже мягче прежних”¹⁰. Как докладывал российский посланник в начале июля, содержание донесений британского посла Фицхерберта из столицы Испании “изъявляет податливость Гишпанского двора дать удовольствие Англицкому”¹¹.

Во второй половине месяца Воронцов окончательно пришел к выводу, что правительство Питта, “видя, что война с Гишпаниею начинает казаться нации инако, нежели то было в первом жару сей распри, желает избежать оную”¹². В конце июля – начале августа, еще не зная о заключении соглашения в Мадриде, он отметил, что в английском обществе доминирует стремление к скорейшему урегулированию конфликта. Как ожидают, указывал посланник, “через 10 или 12 дней распри с Гишпаниею кончится мирным условием”¹³.

В отличие от своего лондонского коллеги С.С. Зиновьев проявлял гораздо большую осторожность в оценке сложившейся ситуации и перспектив дальнейшего развития событий. После того как 23 мая Флорида-бланка заверил его в желании монархии Карла IV избежать вооруженного столкновения, подчеркнув вместе с тем решимость мадридского правительства в случае нападения англичан дать им отпор, посланник констатировал, что не рискует “высказывать какие-либо основательные суждения об этом неожиданном споре между обоими дворами. Время все покажет”¹⁴. Но только через полтора месяца он смог доложить о появлении некоторых признаков сближения позиций Англии и Испании, а

⁸ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 10(21) мая 1790 г. // Там же. Л. 105–105 об. Текст перевода “мемориала” см.: ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1665. Л. 1–8.

⁹ См., напр.: С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 21 мая (1 июня), 24 мая (4 июня), 18(29) июня, 21 июня (2 июля), 2(13) июля 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 411. Л. 132, 139; Д. 412. Л. 7, 11, 27.

¹⁰ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 28 мая (4 июня) 1790 г. // Там же. Д. 411. Л. 172.

¹¹ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 21 июня (2 июля) 1790 г. // Там же. Л. 11.

¹² С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 9(20) июля 1790 г. // Там же. Л. 44.

¹³ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 16(27) июля 1790 г. // Там же. Л. 60; см. также: С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 23 июля (3 августа) 1790 г. // Там же. Л. 71.

¹⁴ С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 13(24) мая 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп. 58. Д. 463. Л. 58.

18 июля Фицхерберт сообщил Зиновьеву, что Флоридабланка склонен частично удовлетворить претензии кабинета Питта на предоставление права рыболовства, охоты и основания поселений в Калифорнии¹⁵.

Неделю спустя Зиновьев уведомил вице-канцлера об одновременном подписании испанской декларации и английской контрдекларации и состоявшемся обмене этими документами, копии которых незамедлительно выслал в Петербург¹⁶. Но еще до того как они были там получены, в российскую столицу поступил присланный С.Р. Воронцовым экземпляр придворной лондонской газеты ("The London Gazette"), содержащий тексты обоих актов, которыми, по выражению посланника, "пламя угрожаемой войны между сими землями утушается"¹⁷.

На завершающей стадии урегулирования англо-испанского спора Воронцов и Зиновьев, продолжая регулярно информировать правительство Екатерины II о дипломатических усилиях обеих держав, в известном смысле как бы поменялись ролями. Первый из них со временем стал все больше сомневаться в возможности окончательно уладить конфликт мирным путем. Сообщая почти в каждом донесении об интенсивном наращивании морских вооружений и форсировании военных приготовлений в портах Англии, он связывал эти меры с намерением сент-джеймского кабинета прибегнуть к силе. Кроме того, подобными действиями правительство Питта рассчитывало, по мнению Воронцова, заставить Францию вопреки Фамильному пакту воздержаться от поддержки своей союзницы Испании¹⁸. "Все сие, — отмечал дипломат в начале октября, — подает публике повод думать, что негоциация с Гишпанским двором более наклонна к войне, нежели к миру". Если ожидаемый в Лондоне ответ на ультиматум, представленный мадридскому правительству, писал он тремя днями позже, "не будет удовольствительнее прежних, то война начнется неизбежным образом"¹⁹.

В наиболее законченном виде посланник суммировал свои соображения, основываясь на развернутом анализе англо-испанских противоречий, в пространном донесении, составленном в середине октября. В нем утверждалось, будто правительство Питта, внимательно изучив июльскую декларацию Флоридабланки, вскоре пришло к убеждению, "что Гишпания обещает удовольствие токмо в таком случае, если доказано будет, что Англия имеет право его требовать", а касаясь возможности будущих уступок, исходит из "исключительного своего права на берега, за кои завелася ссора"²⁰. Поскольку подобная постановка вопроса была абсолютно неприемлема для британской стороны, она, чтобы сделать

¹⁵ С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 27 июня (8 июля) 1790 г. // Там же. Л. 84–87; С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 8(19) июля 1790 г. // Там же. Л. 90.

¹⁶ С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 15(26) и 18(29) июля 1790 г. // Там же. Л. 96, 100–101.

¹⁷ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 26 июля (6 августа) 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 412. Л. 76.

¹⁸ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 2(13), 16(27), 20(31) августа, 27 августа (7 сентября) 1790 г. // Там же. Л. 80, 89, 94, 96–97.

¹⁹ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 24 сентября (5 октября) 1790 г. // Там же. Л. 130;

С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 27 сентября (8 октября) 1790 г. // Там же. Л. 132.

²⁰ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 1(12) октября 1790 г. // Там же. Л. 143–144.

противника более сговорчивым, стала наращивать свой военный потенциал.

Превосходство Англии Воронцов считал столь значительным, что был уверен в ее победе, если бы дело дошло до войны. В таком случае Испания, с его точки зрения, неминуемо “потеряет Порто-Рико, Филиппинские острова, может быть, остров Кубу, и, конечно, будут возмущения в разных американских ее областях, где народы вообще недовольны правлением и весьма наклонны к независимости, в чем отсель помогать им станут весьма усердным образом и имеют на то сильные способы”²¹. Поэтому, хотя мадридское правительство, как представлялось посланнику, “ведет себя в сей неготиации с примерною осторожностью”, сент-джеймский кабинет склонялся, по его мнению, к применению силы. “Все сие должно решиться в незамедлительном времени, – предполагал он, – и, по-видимому, война начнется без объявления, флоты встретятся, подерутся, и каждая сторона на другую бросит причину и начало сражения, дабы сохранить право требовать помощи у своих союзников и то же самое отнять у неприятеля”²².

Судя по всему, весть о том, что в испанской столице согласована, а затем и подписана конвенция, “которую возставшие споры между сим двором и Мадритским полюбовно прекращены”, явилась для Воронцова неожиданной²³.

Напротив, Зиновьев, находясь в Мадриде, имел гораздо больше возможностей на месте следить за ходом переговоров, несмотря на их строго конфиденциальный характер. После того как в середине октября Флоридабланке был предъявлен английский ультиматум, посланник доложил о передаче этого документа на рассмотрение Государственного совета, а позднее – об обсуждении его на чрезвычайном совещании высших сановников королевства²⁴. Информирова о том, что мадридское правительство склоняется к принятию требований Англии, он делал вывод: “Таким образом, следует ожидать, что переговоры вскоре завершатся, если только не возникнут какие-нибудь непредвиденные осложнения со стороны Великобритании”²⁵. Составляя это донесение, Зиновьев не знал, что в тот же день в Эскуриале была подписана англо-испанская конвенция, о чем он поспешил уведомить петербургский двор несколько дней спустя. Но о содержании соглашения дипломат сообщить не мог, поскольку оно сохранялось в тайне до ратификации. Впрочем, посланник полагал, что текст конвенции уже известен в российской столице. И он был близок к истине, ибо 28 ноября в Коллегию иностранных дел

²¹ Там же. Л. 147.

²² Там же. Л. 147об.–148.

²³ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 25 октября (5 ноября) 1790 г. // Там же. Л. 167; см. также: С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 29 октября (9 ноября) 1790 г. // Там же. Л. 171.

²⁴ С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 7(18), 10(21), 14(25) октября 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп. 58. Д. 463. Л. 127, 129–130, 132–133.

²⁵ С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 17(28) октября 1790 г. // Там же. Л. 138–139.

действительно поступил печатный экземпляр документа, присланный Воронцовым²⁶.

Говоря о внимании, проявлявшемся российской дипломатией к перипетиям Нутка-зундского кризиса, следует иметь в виду, что на исход его среди прочих факторов определенным образом повлияла и позиция правительства Екатерины II.

Как уже указывалось, в Петербурге узнали об инциденте в Нутке в конце февраля 1790 г. из донесений С.С. Зиновьева и И.Ф. Бранденбурга и приложенных к ним материалов. Придерживаясь поначалу выжидательной политики, вице-канцлер не спешил отвечать на вопрос посланника, следует ли обращаться к Флоридабланке за объяснениями по этому поводу. Между тем испанское правительство, столкнувшись с крайне резкой реакцией сент-джеймского кабинета, очень нуждалось в иностранной поддержке. Но в то время трудно было ожидать помощи со стороны традиционной союзницы Испании – Франции, охваченной революционным брожением. Естественно, что в этих условиях приходилось искать альтернативу в лице других европейских держав. Наибольшие надежды испанская монархия возлагала в этом смысле на содействие Российской империи, имевшей давние счеты с Англией, которая втайне поддерживала Турцию и Швецию, воевавшие против России.

В середине марта 1790 г., когда Государственный совет, обсудив только что полученный из Лондона крайне резкий ответ министра иностранных дел герцога Лидса на испанскую ноту от 10 февраля, счел позицию британского кабинета угрожающей, Флоридабланка поспешил сообщить посланнику в Петербурге Гальвесу о желательности заключения союза с Россией, направленного против Англии²⁷. Подобная идея вполне соответствовала взглядам самого посланника. 24 марта (4 апреля) – задолго до поступления в Петербург депеши первого министра – он в донесении Флоридабланке отметил, что не усматривает в данный момент непосредственной угрозы испанским интересам на Тихом океане со стороны Российской империи, и высказался в пользу установления союзных отношений с последней в данном регионе²⁸. 6 апреля Флоридабланка писал испанскому послу в Париже Фернанду-Нуньесу о своем стремлении прийти к согласию с Россией – единственной державой, способной приостановить натиск англичан²⁹.

²⁶ С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 21 октября (1 ноября) 1790 г. // Там же. Л. 140; С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 11(22) ноября 1790 г. // Там же; С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 29 октября (9 ноября) 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 412. Л. 173–176. За три дня до того копия конвенции была отправлена в Петербург и из Мадрида. См.: С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 14(25) ноября 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп. 58. Д. 463. Л. 150–151.

²⁷ *Hernández Franco J.* La gestión política y el pensamiento reformista del Conde de Floridablanca. Murcia, 1984. P. 259.

²⁸ *Corpus diplomático Hispano-Ruso (1667–1799)*. I, Madrid, 1991. P. 322–326; *Hernández Sánchez-Barba M.* La última expansión española en América. Madrid, 1957. P. 288.

²⁹ *Schop Soler A.M.* Die Spanisch-russischen Beziehungen im 18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1970. S. 155.

23 мая в ходе продолжительной беседы с С.С. Зиновьевым первый министр подробно информировал его о причинах и обстоятельствах возникновения конфликта с Англией, заверив, что намерен проявлять величайшую сдержанность с целью сохранения мира³⁰. На следующий день Государственный совет одобрил разработанный Флоридабланкой план действий в условиях нарастающей конфронтации, где ставилась, в частности, задача добиваться поддержки России³¹. Однако весной 1790 г. такого рода соображения и пожелания высказывались лишь в общей форме, не носили конкретного характера, и каких-либо шагов по их реализации не предпринималось. Только к началу лета положение изменилось. Эти перемены были вызваны прежде всего дальнейшим обострением англо-испанских противоречий.

Упомянутые выше дипломатические акции британского кабинета, предъявившего в начале мая дополнительные требования, и последовавшие военные приготовления обусловили соответствующую реакцию в Мадриде. Особое раздражение вызвал там британский меморандум, переданный 16 мая, согласно предписанию Лидса, поверенным в делах Э. Мерри. Отправленный из Лондона почти одновременно с вручением документа аналогичного содержания испанскому послу маркизу дель Кампо, оглашением послания короля Георга III и выступлением Питта в парламенте, с начавшимся приведением вооруженных сил в боевую готовность, он к тому же был составлен, по мнению Зиновьева, в весьма высокомерном тоне³². Вскоре Флоридабланка получил также донесение Фернана-Нуньеса от 9 мая о беседе с министром иностранных дел Франции А.М. Монмореном. Последний, обещая поставить перед Учредительным собранием вопрос об оказании (в соответствии с Фамильным пактом) помощи Испании, довольно скептически отнесся к возможности добиться согласия собрания, поскольку опасался энергичного противодействия ряда депутатов, якобы подкупленных Англией. После бурных дебатов, в ходе которых многие ораторы требовали лишить короля права объявлять войну и заключать мир (что помешало бы французскому правительству выполнять свои обязательства перед пиренейской монархией), большинство проголосовало за то, чтобы монарх мог только вносить такое предложение, а принятие решения являлось бы исключительной прерогативой самого Учредительного собрания³³.

Вместе с тем наметились некоторые позитивные, с точки зрения мадридского правительства, сдвиги в политике петербургского двора. После того как на протяжении длительного времени испанская дипломатия, заинтересованная в сближении с Россией, безуспешно предлагала свои ус-

³⁰ С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 13(24) мая 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп. 58. Д. 463. Л. 55–57.

³¹ Cook W.L. Flood Tide of Empire. New Haven; L., 1973. P. 223–224.

³² С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 13(24) мая, 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп. 58. Д. 463. Л. 54; см. также: Manning W.R. The Nootka Sound Controversy // Annual Report of the American Historical Association for the Year 1904. Wash., 1905. P. 395–397.

³³ Parrel Ch.de. Pitt et l'Espagne // Revue d'histoire diplomatique. P., 1950. 63 année. P. 72–73.

луги в качестве посредника с целью прекращения русско-шведской войны, в середине апреля 1790 г. вице-канцлер И.А. Остерман уведомил посланника Гальвеса о готовности России к мирным переговорам со Швецией при посредничестве Испании. Беседа между ними на эту тему состоялась 4 мая³⁴.

Под влиянием всех перечисленных факторов испанское правительство в начале июня 1790 г. решило предпринять конкретные шаги к достижению соглашения с Россией. С этой целью 4 июня Флоридабланка направил М. Гальвесу инструкцию информировать петербургский двор о конфликте между Испанией и Англией и предложить от имени короля Карла IV заключить договор о границе российских и испанских владений на берегах Тихого океана³⁵. В тот же день правительствам России и других европейских держав была разослана циркулярная нота с изложением предыстории и обстоятельств возникновения англо-испанского спора. Аргументируя обоснованность территориальных и иных притязаний Испании на северо-западном побережье Америки, составители документа ссылались, между прочим, на прошлогодние переговоры с Россией, признавшей тогда, что северные рубежи испанских интересов в данном регионе «простирались еще за так называемый залив Принс-Вильям»³⁶. В заключение Флоридабланка подчеркивал, что, отвечая на угрожающий британский меморандум, врученный ему 16 мая, заверил сент-джеймский кабинет в своем миролюбии и готовности дать англичанам требуемое удовлетворение с возмещением понесенного ими ущерба. «Этот ответ, – полагал он, – должен убедить все дворы Европы, что поведение короля и его правительства созвучно неизменным принципам справедливости, правды и мира»³⁷.

5 июня Флоридабланка, беседуя с С.С. Зиновьевым, предложил заключить с Россией соглашение, регулирующее проблемы мореплавания вдоль берегов Калифорнии³⁸. Однако, еще до того как об этом предложении стало известно в Петербурге, М. Гальвес, по прибытии курьера из Мадрида, немедленно спросил у вице-канцлера срочной аудиенции. 27 июня (8 июля), официально уведомив собеседника о возникшей конфронтации между Испанией и Англией, он вручил И.А. Остерману упомянутую выше циркулярную ноту, копию адресованной посланнику депеши Флоридабланки, а также копию памятной записки первого министра Испании британскому поверенному в делах в Мадриде.

Последний документ, датированный тоже 4 июня, являлся официальным ответом на демарш, предпринятый Э. Мерри в середине мая. По ут-

³⁴ *Schop Soler A.M.* Op. cit. S. 158; Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1, ч. 1. С. 782–783.

³⁵ См.: Россия и Испания: Документы и материалы, 1667–1917. М., 1991. Т. 1. С. 393; *Hernández Sánchez-Barba M.* Op. cit. P. 287.

³⁶ *Politisches Journal.* 1790. Bd. 2. S. 955.

³⁷ *Ibid.* S. 961–962.

³⁸ С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 27 мая (7 июня) 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп. 58. Д. 463. Л. 67.

верждению Флоридабланки, осложнений в отношениях двух стран удалось бы избежать, если бы правительство Питта не реагировало в столь резкой форме на обоснованный протест испанской стороны по поводу вторжения англичан в ее владения, вместо того чтобы попытаться мирным путем уладить возникшие недоразумения. В качестве примера того, как следует поступать в подобных конфликтных ситуациях, приводился факт благополучного разрешения противоречий между Испанией и Россией на Северо-Западе Америки. “Недавно российскому двору, – отмечал министр, – была представлена жалоба по некоторым сходным предметам, касающимся навигации в Южном море (так тогда называли южную часть Тихого океана. – М.А.). Поскольку этим двором был дан откровенный ответ, все закончилось без малейших разногласий. Поистине можно полагать, что образ действий в гораздо большей мере, нежели суть дела, вызвал споры с Великобританией по этому поводу”³⁹. Ибо, решительно отстаивая суверенитет испанской короны над контролируемой ею территорией северо-западного побережья Америки, мадридское правительство подразумевало под ним свои права на часть американского материка, омывающие его моря и близлежащие острова, которые издавна принадлежали Испании в результате открытий, на основании договоров или по праву владения⁴⁰.

Сообщение Гальвеса не явилось для главы внешнеполитического ведомства России неожиданным. К тому времени в Коллегию иностранных дел уже поступили донесения российских посланников из Лондона и Мадрида, содержавшие довольно подробную информацию об англо-испанском конфликте. Ознакомившись на месте с переданными ему документами, вице-канцлер, естественно, пообещал доложить о них императрице, причем выразил уверенность, что она несомненно пожелает Карлу IV “лучшего успеха в окончании дела сего миролюбивым образом”⁴¹. Вместе с тем при чтении ответной памятной записки Флоридабланки, адресованной Мерри, Остерман сразу же обратил внимание на не соответствовавшее действительности утверждение, будто мадридский двор жаловался в свое время правительству Екатерины II “на чинимые в селениях его, в Тихом океане находящихся, насилия от российских туда приезжающих кораблей”. Вице-канцлер “приметил ему, кавалеру Гальвесу, о несправедливости сего изъяснения, ибо таковых жалоб, продолжал он, от Гишпании никогда здесь приносимо не было, а просил сей двор посредством его же господина министра о упреждении могущих произойти насилий от назначенной отсюда туда эскадры”. Признав обоснованность этого замечания, посланник объяснил допущенную ошибку неточным переводом с испанского оригинала⁴².

³⁹ The Annual Register... for the Year 1790. L., 1793. P. 292, 293.

⁴⁰ Ibid. P. 294; см. также: *Norris J.M.* The Policy of the British Cabinet in the Nootka Crisis // The English Historical Review. 1955. Vol. 70, N 277. P. 578; *Cook W.L.* Op. cit. P. 224.

⁴¹ Конференциальная записка, 27 июня 1790 г. // АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела: 1790 г. Оп. 2/6. Д. 897. Л. 352.

⁴² Там же. Л. 351.

Через несколько дней протокольная запись беседы между Остерманом и Гальвесом была рассмотрена Советом при высочайшем дворе. В центре внимания, естественно, оказалось предложение мадридского правительства об “определении границ российскому и гишпанскому владениям по Тихому морю и о заключении формального о том договора”. Члены Совета высказались против этой идеи. Они сочли “настоящее военное время к предложенному тут разграничению весьма неудобным, тем более что податливость здешняя на желаемый гишпанским двором договор может еще произвести и вящую в Англии противу нас остуду, подавая сей державе напрасное подозрение, будто имеем мы с Гишпаниею и другие переговоры и согласия”⁴³.

Опасения испортить отношения с могущественной “владычицей морей” усугублялись, видимо, тем, что, с точки зрения правящих кругов России, исход Нутка-зундского кризиса был по существу уже предreshен: на основании донесений С.Р. Воронцова и С.С. Зиновьева, полученных соответственно 18 мая и 19 июня, в Петербурге сложилось представление об ощутимом военном превосходстве Англии и неизбежности капитуляции Испании.

Кроме того, как можно предположить, правительство Екатерины II, согласившись в определенной ситуации годом раньше признать, что северные границы испанских колоний в Америке “простираются за залив Принс-Вильям”⁴⁴, вовсе не склонно было облекать эти устные заверения в форму официального акта, основанного на нормах международного права. Ведь заключение формального соглашения на таких условиях фактически означало бы юридически зафиксированный отказ России от всяких притязаний на территорию южнее 61° с.ш. Между тем после плавания Чирикова петербургский двор неизменно исходил из того, что обладает законными правами на побережье Америки к северу от пункта, достигнутого мореплавателем, а во второй половине 80-х годов планировал даже распространить свою юрисдикцию почти до 49-й параллели. Не следует, разумеется, забывать и о русских поселениях на Уналашке, Кадьяке и др.

В этой связи вряд ли существенно меняет дело версия, согласно которой в период Нутка-зундского кризиса испанский король Карл IV, желая заручиться поддержкой России, якобы посулил Екатерине II уступить часть своих американских владений между 48-й и 49-й параллелями, где, по словам автора анонимной “Реляции” о плавании Лопеса де Аро (1788 г.), испанцы обнаружили русские селения. По мнению директоров Российско-американской компании, их основали на широте Нутка-зунда, севернее устья Колумбии, пропавшие без вести в 1741 г. участники экспедиции А.И. Чирикова во главе со штурманом Дементьевым и боцма-

⁴³ ЦГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

⁴⁴ По мнению петербургского экономиста и статистика Генриха Шторха, граница между владениями России и Испании практически проходила по реке (или заливу) Кука. См.: *Storch H. Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Leipzig, 1801. Teil. 6. S. 292.*

ном Савеловым⁴⁵. Территориальная уступка, о которой якобы шла тогда речь, явилась бы, с точки зрения Энтони Х. Хэлла, “признанием Испанией де-факто русского присутствия на тихоокеанском побережье, а следовательно, отказом от претензий на монополию в этом районе”⁴⁶. Однако предполагаемая частная переписка двух монархов по данному поводу, если она действительно имела место, судя по всему, не получила развития, впоследствии была предана забвению и затерялась в архивах российского министерства иностранных дел. Там ее случайно обнаружили лишь много лет спустя, о чем говорится в письме главного правления Российско-американской компании командиру корабля “Кутузов” капитан-лейтенанту Л.А. Гагемейстеру от 26 апреля (8 мая) 1817 г.⁴⁷

Не располагая полным текстом указанной переписки, на основании краткого пересказа ее содержания в письме правления РАК можно составить лишь приблизительное представление о заявлении Карла IV. Поэтому трудно сказать, оказало ли оно какое-либо влияние на позицию петербургского правительства в связи с предложением Испании об уточнении границ на Северо-Западе Америки и заключении соответствующего договора, тем более что мы не можем быть до конца уверены в существовании королевского послания и уж во всяком случае не знаем, когда оно поступило в Петербург: до или после рассмотрения демарша Гальвесы Советом при высочайшем дворе. Но совершенно очевидно, что, даже если обещание короля предшествовало упомянутому выше заседанию Совета, оно не могло заметным образом воздействовать на принятие решения.

Высказавшись за отклонение испанского предложения, члены Совета рекомендовали мотивировать такой негативный ответ тем, что открытия новых земель на Тихом океане осуществляются русскими преимущественно в порядке частной инициативы, а “потому нельзя теперь приступить к трактованию об оном договоре, доколе не будут здесь собраны все нужные о сих открытиях сведения”. Вместе с тем Совет считал необходимым в ответной ноте заверить мадридское правительство, что Екатерина II, “отдалена будучи от всякого несправедного присвоения, не изволит, конечно, и в оном крае причислять к пределам империи своей ничего, на что не имеет совершенного права”. Касаясь же сообщения испанского посланника о конфликте между Англией и Испанией, члены Совета, одобрив предварительные соображения, высказанные сразу вице-канцлером, предлагали подтвердить их в письменной форме “в помянутой ответной записке и от высочайшего ее в-ва имени”⁴⁸.

До Гальвесы, надо полагать, дошла кое-какая информация о рассмотрении интересовавшего его вопроса Советом при высочайшем дворе. Вероятно, поэтому он воспользовался встречей с вице-канцлером во время очередной “конференции” с иностранными дипломатами 3(14) июля

⁴⁵ National Archives. Washington. Records of the Russian-American Company. M-11. R. 1. P. 87 rev.

⁴⁶ Hull A.H. Spanish and Russian Rivalry in the North Pacific Regions of the New World. University of Alabama, Ph.D., 1966. P. 135.

⁴⁷ National Archives. Records... M-11. R. 1. P. 87 rev.

⁴⁸ ЦГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 11. Л. 5, 6.

1790 г., чтобы по поручению короля Карла IV возобновить уверения испанского монарха в дружеских чувствах по отношению к императрице и его стремлении к сближению между Испанией и Россией⁴⁹. Это была явная попытка завязать разговор с целью узнать, как петербургское правительство реагировало на предыдущее заявление посланника неделю назад. Между прочим, в тот же день в Коллегию иностранных дел поступило упоминавшееся выше донесение С.С. Зиновьева относительно задуманного Флоридабланкой русско-испанского соглашения о мореплавании близ калифорнийского побережья. Однако И.А. Остерман, не будучи еще готов дать официальный ответ, сообщил лишь, что, доложив Екатерине II о демарше Гальвеса, получил от нее указание “подтвердить предварительно ему сказанное о желании ее и. в-ва, чтоб несогласия нынешние между Англиею и Испаниею полюбовною сделкою окончены были”⁵⁰.

Только через две недели вице-канцлер вручил посланнику “высочайшей апробации удостоенную записку”, составленную в соответствии с постановлением Совета. Императрица надеется, – заметил он при этом, – “что король Государь его из содержания той записки удостоверится о невозможности здешней в угодность ему приступить теперь к разграничению владений Российских и Испанских по Тихому морю и к заключению формального о том договора”⁵¹. Вместе с тем коллежская нота от 17(28) июля 1790 г. содержала твердое заверение, что “ее и. в-во никогда не пожелает расширить границы за счет территорий, которые не принадлежат ей по праву или законная принадлежность которых вызывает сомнения”⁵². Докладывая 4 августа Флоридабланке о полученном ответе, Гальвес объяснял позицию России боязнью испортить отношения с Англией⁵³.

Последующий ход событий укрепил уверенность российского правительства в разумности его позиции. Правда, 18 июля Гальвес уведомил вице-канцлера о том, что ему прислали из Мадрида копии памятной записки британского посла Фицхерберта от 13 июня и ответной ноты Флоридабланки от 18 июля, а вскоре передал И.А. Остерману эти документы, свидетельствовавшие, казалось бы, о дальнейшем обострении англо-испанского конфликта. Но уже 31 июля было получено успокоительное сообщение из Мадрида, где, как констатировал на следующий день Совет при высочайшем дворе, выражалась надежда, “что настоящие споры между Англиею и Гишпаниею кончатся полюбовно”⁵⁴. Заключение 3(14) августа 1790 г. Верельского мирного договора со Швецией способствова-

⁴⁹ Конференциальная записка 3 июля 1790 г. // АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела, 1790 г. Оп. 2/6. Д. 897. Л. 357.

⁵⁰ Там же. Л. 358.

⁵¹ Конференциальная записка 17 июля 1790 г. // Там же. Л. 366.

⁵² Россия и Испания. С. 393.

⁵³ Cook W.L. Op. cit. P. 231.

⁵⁴ Конференциальная записка 18 июля 1790 г. // АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела 1790 г. Оп. 2/6. Д. 897. Л. 369. Впрочем, в Коллегии иностранных дел узнали об этом несколькими днями раньше из донесения российского посланника в Мадриде. См.: С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 6(17) июня 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп. 58. Д. 463. Л. 72; С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 24 июня (5 июля) 1790 г. // Там же. Л. 80; ЦГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 11. Л. 54.

ло некоторой стабилизации положения России. В середине августа в Петербурге стало известно, что Фицхерберт, касаясь проблемы рыболовства, охоты и основания поселений на побережье Калифорнии, заявил 7(18) июля С.С. Зиновьеву о желательности того, “чтобы его и наш дворы объяснились по этому вопросу, который равно важен и для русской торговли”⁵⁵.

В середине августа 1790 г. до Северной Пальмиры дошла весть о подписании в Мадриде 24 июля испанской декларации и английской контр-декларации, о чем 19 августа было доложено Совету при высочайшем дворе⁵⁶. “Здесь думают, – доносил 30 августа (10 сентября) 1790 г. в Дрезден саксонский резидент в Петербурге Гельбиг, – что распри между Англиею и Испаниею пресекутся великими пожертвованиями со стороны короля Испанского”⁵⁷.

Тем не менее мадридское правительство, судя по всему, не отказалось от мысли привлечь на свою сторону Россию, особенно после того, как французское Учредительное собрание, рассмотрев официальную просьбу Испании о помощи, 26 августа постановило устранить из Фамильного пакта все статьи, носившие наступательный характер, ограничив его исключительно оборонительными и торговыми обязательствами. Придавая большое значение регулярным контактам с петербургским двором, испанские власти систематически информировали его о наиболее важных событиях. Так, 18 сентября секретарь посланника Гальвеса вручил И.А. Остерману копию послания Флоридабланки, где освещался ход переговоров между Испанией и Англией о взаимном сокращении морских вооружений. 21 ноября Гальвес в предварительном порядке сообщил вице-канцлеру об окончательном урегулировании англо-испанского конфликта, а неделю спустя в Петербурге был получен из Лондона текст конвенции, подписанной в Эскуриале 28 октября⁵⁸. 19 декабря Совет при высочайшем дворе ознакомился с донесением из Мадрида “о получении уже там ратификации Аглинской на последнюю сделку”, а 23 декабря заслушал сообщение С.Р. Воронцова о поступлении в британскую столицу ратификационной грамоты за подписью короля Испании⁵⁹.

Поскольку Нутка-зундский кризис завершился явной победой Англии, российское правительство сочло необходимым заверить сент-джеймский

⁵⁵ С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 8(19) июля 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп. 58. Д. 463. Л. 91.

⁵⁶ См.: С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 26 июля (6 августа) 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 412. Л. 76; ЦГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 11. Л. 67.

⁵⁷ Архив князя Воронцова. М., 1882. Кн. 26. С. 446.

⁵⁸ Конференциальная записка 18 сентября 1790 г. // АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела 1790 г. Оп. 2/6. Д. 897. Л. 435; Конференциальная записка 21 ноября 1790 г. // Там же. Л. 510; С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 29 октября (9 ноября) 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 412. Л. 173–176.

⁵⁹ ЦГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 11. Л. 189–190; С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 11(22) ноября 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп. 58. Д. 463. Л. 146; С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 26 ноября (7 декабря) 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 413. Л. 39.

кабинет в своей полной лояльности. В соответствии с инструкцией из Петербурга Воронцов 2 декабря 1790 г. заявил герцогу Лидсу, “что двор наш никогда не имел намерения войти в какую-либо политическую связь с Гишпаниею в предосуждение Англии, и что все разнесшиеся о сем слухи основаны единственно на ухищренных ложностях”. По словам посланника, министр “казался быть весьма доволен сими уверениями”⁶⁰.

Подобная позиция правительства Екатерины II, несомненно, вытекала из оценки последствий англо-испанского конфликта российской дипломатией. Наиболее полное отражение она нашла в анализе эскуриальской конвенции двумя хорошо осведомленными и весьма компетентными дипломатами – С.С. Зиновьевым и С.Р. Воронцовым. Оба были единодушны в том, что соглашение чрезвычайно выгодно Англии и достигнуто исключительно за счет существенных уступок со стороны Испании. “Конвенция, заключенная в Эскуриале 17(28) октября между здешним двором и Мадритским, – отмечал Воронцов, – столь выгодна первому, как пагубна второму”⁶¹. Чтобы “сохранить лицо”, Флоридабланка постарался замаскировать проявленную уступчивость. С этой целью в ряде статей, когда речь шла о распространении на англичан тех или иных прав, которыми фактически уже давно пользовались испанцы, говорилось о подданных обеих держав, словно бы они находились в равном положении. Между тем в действительности, свобода судоходства, рыбной ловли, торговли в тихоокеанских водах и на “ничейном” побережье Америки, подчеркивал Зиновьев, предназначалась именно англичанам, ибо их испанские соперники и без того занимались этим. Комментируя статьи конвенции относительно навигации и рыболовства, Воронцов констатировал, что “хотя оные имеют вид взаимности, но как одни англичане на сии две отрасли устремляются, то и выгода им одним остается”⁶².

Меры, призванные предотвратить ввоз британских контрабандных товаров в американские владения Испании, представлялись Зиновьеву совершенно бесполезными. Вследствие взаимовыгодного характера этой нелегальной торговли ему казалось практически невозможным пресечь ее. “Она наносит большой ущерб испанским купцам, которые не смогут долго выдерживать эту конкуренцию, несмотря на то, что обладают преимуществом отправлять свои товары в Америку через Веракрус, т.е. кратчайшим путем, – указывал посланник. – Но деятельность англичан и большое число их торговых судов всегда обеспечат им превосходство в этих коммерческих операциях, а Испании придется беспрестанно жаловаться, не надеясь добиться когда-нибудь полного удовлетворения от Великобритании”⁶³.

⁶⁰ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 22 ноября (3 декабря) 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 413. Л. 31.

⁶¹ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 20(31) декабря 1790 г. // Там же. Л. 116.

⁶² Там же. Л. 117.

⁶³ С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 25 ноября (6 декабря) 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп. 58. Д. 463. Л. 156, 157–158.

Особое внимание оба русских дипломата уделяли статье 6, согласно которой английские подданные получили возможность заниматься рыболовством и строить с этой целью небольшие хижины на восточном и западном побережье Южной Америки к югу от Рио-де-ла-Платы. Фактически имелась в виду Патагония, номинально считавшаяся частью испанской колониальной империи, но реально еще не втянутая в орбиту иберийской колонизации. Появившись в этом регионе, англичане, по мнению Зиновьева, должны были в перспективе прочно там обосноваться. Он полагал, что для нужд рыболовства им понадобятся не временные постройки, а более основательные сооружения стационарного типа, вследствие чего места их высадки постепенно “превратятся в хорошо построенные и укрепленные селения, откуда англичан нельзя будет вытеснить, не объявив им войну”⁶⁴.

Предположение иного характера высказал по данному поводу С.Р. Воронцов. С его точки зрения, скорее следовало ожидать, что британские подданные “будут привозить свои товары для торговли не токмо с независимыми народами, но еще учредя свои магазинны под названием шалашей в полмили разстояния от границ Буен-Айерского вицеройства и Шилия, наполнят сии две толь пространные и пребогатые земли контрабандою своих мануфактурных товаров”⁶⁵.

Именно контрабандную торговлю с испанскими колониями посланник считал наиболее эффективным орудием проникновения англичан в американские владения Испании. Сопоставляя возможности импорта промышленных изделий различных стран Европы в Испанскую Америку, он пришел к выводу, что Англия имеет в этом смысле бесспорное преимущество и гораздо более благоприятные перспективы по сравнению с другими европейскими государствами. Французские, голландские, итальянские коммерсанты, доставляя товары за океан на испанских судах, вынуждены платить в Кадисе высокие пошлины и терпят большие убытки вследствие продолжительности морских рейсов и расходов по перевозке грузов из одного пункта Америки в другой. В результате в колониях Испании им приходится продавать продукцию своей промышленности на 200% дороже, нежели в Европе. При таких обстоятельствах, отмечал С.Р. Воронцов, “большие капиталы англичан, скорая и экономическая их навигация, а особливо предприимчивость их, дадут им способ овладеть исключительно сею торговлею, и они одни будут прямо возить в Гишпанскую Америку свои и других народов товары; в чем будут вспомогаемы самими тамо живущими обывателями, кои чаще, изобильнее и несравненно дешевле будут доставать то, что им надобно”⁶⁶.

Говоря о выгодах, извлекаемых Англией из расширения торговли с Испанской Америкой, российский дипломат подчеркивал, что этому способствовала статья 7 конвенции, обязывавшая должностных лиц каж-

⁶⁴ Там же. Л. 158–159.

⁶⁵ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 20(31) декабря 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 413. Л. 118.

⁶⁶ Там же. Л. 119–120.

дой из договаривающихся сторон в случае нарушения ее прав не прибегать к насилию, а представить своему правительству подробный отчет о происшедшем на предмет урегулирования спора мирным путем⁶⁷. "Взаимность, которая для удовлетворения Гишпанского честолюбия поставлена, – писал Воронцов, – достойна всякого посмеяния". Ибо позиции обеих держав в данном регионе совершенно различны. В то время как Испания имеет там обширные владения, войска, флот, крепости, колониальную администрацию, у англичан, естественно, ничего этого нет. Тем не менее если британское судно, нарушив установленное ограничение, подойдет к побережью Новой Испании, Перу или Чили на расстояние в полмили и начнет контрабандную торговлю с местными жителями, то испанские власти не могут, как прежде, захватить корабль, конфисковать груз и подвергнуть наказанию капитана и команду, а должны всего лишь доложить в Мадрид, откуда направят жалобу в Лондон, и только там, возможно, займется расследованием обстоятельств дела. "Следовательно, сей артикул, коим запрещается начальникам обоих народов наказывать преступников другой стороны, а доносить токмо к их дворам, полезен токмо для одних англичан"⁶⁸.

Наибольшую угрозу для Испании составляло, по мнению посланника, предоставленное англичанам право торговать с коренными обитателями "никем не занятых мест", еще не покоренными испанцами. Он имел в виду прежде всего населявшие центральную часть Чили воинственные индейские племена мапуче ("люди земли"), которых конкистадоры называли арауканами (от области Арауко). Не сумев сломить их сопротивление, колониальные власти вынуждены были в 1641 г. заключить с ними договор о признании р. Био-Био северной границей расселения индейцев, а в 1726 г. подтвердить его. Тем не менее испанские войска продолжали периодически вторгаться на территорию арауканов, а те, в свою очередь, неоднократно поднимали восстания (самые крупные в 1766, 1769–1770 гг.), заставив чилийскую администрацию в 70-х годах XVIII в. вновь номинально признать независимость Араукании.

Исходя из этой ситуации, Воронцов предвидел, что "англичане станут продавать сему народу оружие и порох, в чем у онаго есть недостаток, и при первом разрыве между Англиею и Гишпаниею сия последняя будет угрожаема опасностью потерять Шили, то есть одно из богатых и пространных ее владений"⁶⁹.

Подводя итог своим рассуждениям относительно англо-испанской конвенции, посланник расценил ее последствия как крайне негативные с точки зрения интересов мадридского правительства. "А кончилась сия распря тем, – указывал он, – что Гишпания отсеклась от владения берегов, кои всегда исключительно и безспорно своими признавала, и наконец сама себе отняла все способы прекращать контрбанду, которую ан-

⁶⁷ *Tratados, convenios y declaraciones de paz y de comercio que hanhecho con las potencias estrangeras los monarcas espanoles de la casa de Borbón* / Ed.A. del Cantillo. Madrid, 1843. P. 624.

⁶⁸ С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 20(31) декабря 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 413. Л. 118.

⁶⁹ Там же. Л. 121.

гличане не смели бы начинать в той части света, и сим самым обратила течение драгоценных металлов из своих тамо владений прямо в Англию, и, наконец, доставила сей последней способы наипаче ей вредить при первой войне, что между ими будет”⁷⁰.

Аккредитованный в Мадриде коллега Воронцова, характеризуя значение исхода Нутка-зундского кризиса в свете дальнейшего развития отношений двух государств, подчеркивал, что серьезные противоречия между ними, по существу, не устранены. Вследствие чего, как представлялось ему, “следует ожидать, что эта конвенция, вызванная малодушием испанского двора, отнюдь не укрепляя узы дружбы между обеими державами, будет ежеминутно давать повод к новым спорам и разногласиям, способным разжечь войну”⁷¹.

В этом смысле обращают на себя внимание отсутствие в тексте четкой дефиниции линии границы между владениями Испании и Англии на северо-западном побережье Америки. Вместо того чтобы обозначить ее при помощи конкретных географических признаков (координаты, элементы берегового рельефа, предгорья и т.п.), в документе употреблялось понятие: земли, расположенные к северу от территории, уже занятой испанцами. Подобная неопределенность объяснялась, по мнению академика Шторха, исключительно тем, что конфликтующие стороны не сумели прийти к соглашению на сей счет. “Испания никогда не могла прямо и открыто признать легковесность своих притязаний на часть северо-западного побережья Америки, лежащую к северу от 40° широты, – отмечал ученый, – и предоставить британской нации основанное на открытиях Дрейка и Кука право приоритета”. Вместе с тем он считал, что и Англия предпочитала в то время не фиксировать точно северную границу своих интересов в данном регионе, чтобы избежать нежелательного для нее выяснения отношений с Россией⁷².

ДОНЕСЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПОСЛАННИКА В ЛОНДОНЕ С.Р. ВОРОНЦОВА ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ И.А. ОСТЕРМАНУ

№ 52

Лондон, от 10(21) мая 1790

Милостивый государь мой граф Иван Андреевич!

Из приложенного при сем в переводе мемориала* ваше сиятельство узнаете подробно все обстоятельства арестованных агличких судов гишпанцами в северозападной части Америки. Весьма удивитесь конечно, читая то место сего мемориала, в коем гишпанцы приписывают себе все берега начиная от мыса Горна, даже до 60-го градуса к северу, включая следовательно те берега противу Камчатки, кои прежде всех народов в свете русскими были открыты, и от времен капитана Беринга до днесь ежегодно нашими промышленниками из Камчатки и из Охотска посеща-

⁷⁰ Там же. Л. 122.

⁷¹ С.С. Зиновьев – И.А. Остерману, 25 ноября (6 декабря) 1790 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп. 58. Д. 463. Л. 159.

⁷² Storch H. Op. cit. Teil 6. S. 294, 295.

емы, что доказано журналом последнего мореплавания славного капитана Кука, в коем явствует, что англичане нашли русских в Уналаски и других местах сей окружности.

Покойной лорд Грантам мне сказывал, что будучи послом в Мадриде незадолго пред тем, как Гишпания объявила Англии прошедшую войну, гишпанское министерство ему отзывалось с великим негодованием на Россию за промыслы, что она производит в земле Гишпании принадлежащей, но он думал, что сия не основанная и пренаименная претензия скрывала какую ни есть другую причину злобы мадридского двора на Россию, ибо предлагаемая ему казалась совсем безрассудною. Я сие от него слышал вскоре после моего приезда в Англию и не почитал нужным донести сей разговор вашему сиятельству, уверен будучи, что Вы о сем извещенны были во свое время от посланника нашего в Мадриде. Да и теперь упоминаю только как о происшествии, которое подтверждает странное объявление гишпанского офицера.

При сем прилагая продолжение парламентского журнала, остаюсь с глубочайшим почтением

вашего сиятельства

покорный слуга

Г.С. Воронцов

АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией.

Оп. 35/6. Д. 411. Л. 105–106. Подлинник.

Рус. яз.

* Упомянутый в документе перевод "мемориала" в архивном деле отсутствует. Он обнаружен в фонде Воронцовых ЦГАДА (Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1665. Л. 1–8. Фр. яз.) Английский оригинал представляет собой памятную записку, составленную по поручению премьер-министра Уильяма Питта-младшего Джоном Мирзом, игравшим главную роль в деятельности торговой компании, которой принадлежали британские суда, захваченные испанцами в Нутка-зунде. Располагая свидетельствами очевидцев и другой информацией о происшедшем инциденте, автор записки опубликовал ее в виде небольшого памфлета (см.: Copy of the Memorial of John Meares // Meares J. Voyages Made in the Years 1788 and 1789 from China to the North West Coast of America. L., 1790). 30 апреля 1790 г. министр внутренних дел Уильям У. Гренвилл передал его на рассмотрение кабинета, а 13 мая документ был представлен в палату общин.